

Анатолий ИВАНОВ

ТЕНИ ИСЧЕЗАЮТ В ПОЛДЕНЬ

...Весь день колхозники подвозили к скотным дворам сено — кто всего несколько пластов, кто полвоза, кто воз.

Устин Морозов снял Митьку Курганова с ремонтиных работ и заставил сметывать сено в скирду. Рядом с ним встал Филимон Колесников, решивший, как он сказал, «поразматься от конторского сидения».

Наверху принимала и раскладывала сено Клавдия Никулина.

— Давай, давай, Клашка, поворачивай! Это тебе не огурцы считать! — орал Митька, кидая и кидая пласти налево, стараясь завалить ее с головой. Он взмок, сбросил сперва фуфайку, потом пиджак. Клавдия тоже дышала тяжело, но не сдавалась, ничего не говорила и хоть с трудом, но успевала раскладывать пласти.

— Давай, давай, дядя Филимон! — кричал Митька и Колесникову. — Позор на всю деревню — два мужика одну бабу завалить не сумели...

— Ну и языки у тебя, Митяй! — Филимон вытер рукавом мокрую, изъеденную морщинами шею. — Оторви да брось на дорогу...

От Филиона шел густой пар.

— Его языки и оторванный не перестанут чесаться, — проговорила сверху беззлобно Клавдия. — Шмякнется в пыль и там затрепещет, как рыба. Подавайте, что ли, холодно.

Подъехал, сидя на возу, сам бригадир. Он остановился метрах в тридцати.

— Убери вот эти копешки, поближе подъеду, — сказал он.

— Сваливай там, — махнул рукой Митька.

— Зачем же... Потом к скирде таскать далеко. Я подожду.

И снова Филимон и Митька металли сено, а Клашка укладывала. Наконец Филимон, обессиленный, привалился к скирде:

— Ох, и зверь ты в работе! Уморил старика насмерть.

— Отдохни, папаша. Вон помощница идет! — крикнул Митька, не прекращая работы.

К ферме от телятника шла Ирина Шатрова. Услыхав Митькин возглас, она вскинула голову, свела брови к переносице, глянула на Курганова.

— А что ты думал... испугаюсь работы, что ли? — И повернула голову к Колесникову, засовывая поглубже под платок волосы. — Давай, дядя Филимон, какие-нибудь вилы.

Весной этого года внимание многих зрителей было приковано к телезрекрану, на котором шел многосерийный художественный фильм «Тени исчезают в полдень». Очередные серии фильма ждали в каждом доме, за судьбой его героев следили с неослабевающим вниманием. Песни из фильма становились популярными.

Сценарий специально для телевидения создал известный писатель Анатолий Степанович Иванов по мотивам своего одноименного романа, который был напечатан в журналах и выходил отдельными изданиями, а в 1964 году печатался в №№ 8 и 9 «Роман-газеты».

Анатолий Иванов — писатель-однолюб: всю силу своего таланта, все краски своей художнической палитры он отдал изображению Сибири, ее таежных просторов, ее живописных полей и могучих рек, а главное, замечательным людям этого края.

И это не случайно. Писатель родился и вырос в селе Шемонаиха, на восточной окраине Казахстана, в молодости изъездил Сибирь, работал в газете «Приштышская правда» и в редакции журнала «Сибирские огни». За первым рассказом «Дождь», впервые опубликованным в нашем журнале, последовали: сборник новелл «Алкины песни», романы «Повитирь», «Тени исчезают в полдень», «Вечный зов».

Роман «Тени исчезают в полдень» — произведение о судьбах жителей одного из сибирских сел — Озерки. Почти полстолетия охватывают изображаемые в нем события. Автор показывает становление людей советской колхозной деревни, беспощадную классовую борьбу между старым и новым, социалистическим миром, борьбу за высокие коммунистические идеалы.

Мы видим, как под личиной сектантства разных толков свищают паучки гнезда бывших кулаков и заводчики, пытающиеся в бесильной злобе затормозить рост Советского государства, затянуть в свои сети советских людей. Мрачными тенями проходят в романе Пистимея и Устин Морозовы. Против них люди цельной, красивой души, такие, как первый председатель колхоза Мария Воронова и ее преемник Захар Большаков; редактор районной газеты Петр Смирнов и замученный, но не сломленный в гитлеровском застенке собственным изувечением Федя Морозов...

Кажется, сама природа — тайга, река Светлая, Марьин утес с осокорем на могиле Вороновой, погибшей от руки кулака, — встают плечом к плечу с истинными героями романа — тружениками Сибири. Она как бы сливается с этими людьми, беззаботно любящими родную землю. На их стороне ленинская правда нашей жизни, и, ослепленные ее светом, отступают, жаля друг друга, разоряя свои гнезда, «скорпионы» прошлого.

Будущее — за такими, как внучка погибшей Марии-председательницы Иринка Шатрова, девушка необыкновенной душевной чистоты и щедрости, бесконечно преданная своему колхозу.

Пусть отрывок, публикуемый ниже, воскресит перед вами, дорогие наши читатели, драматические события эпопеи о жизни колхозного села Озерки. А если вы только видели ее по телевидению, очень советуем вам прочитать роман.

— Да нету лишних-то, дочка. Погуляй лучше.

— А то мозоли набьешь — ручке больно будет, — усмехнулся Митька прямо в лицо Ирине.

Но Ирина больше не удостоила его даже взглядом, побежала в коровник, принесла вилы. Потуже затянув плащок под розовым подбородком, она обошла вокруг невысокой еще скирды, прикидывая, с какой стороны легче на нее влезть.

— Садись, закину. — И Митька подставил вилы. Ирина демонстративно не приняла шутку, воткнула свои вилы в скирду на уровне груди и попросила Колесникова:

— Подержи-ка, дядя Филимон.

Колесников молча подставил плечо под черенок вил. Получилось нечто вроде перекладины. Ирина сильным рывком оторвалась от земли, уперлась в перекладину напряжинившимися руками, стала на нее сперва левым коленом, затем правой ногой и, ухватившись за руку Клавдии, оказалась на скирде. И уже сверху бросила Митьке:

— Так что обошлись без вашей помощи. Закидывай лучше сено. Подай мне вилы, дядя Филимон.

Вот теперь-то действительно Митька озверел. Весь засыпанный трухой, он молча, чуть только покряхтывая, швырял и швырял наверх целые копны.

Устин Морозов, сидя на возу, прищурил глаза, молча наблюдал за тем, что происходит возле скирды. Затем полез за табаком, свернул папиросу. Делал все это не спеша, время от времени окидывая взглядом Митьку, Ирину, Клавдию.

В течение нескольких минут никто не проронил ни слова. Ирина ловко и привычно раскладывала пласти по краям. Вниз она даже и не смотрела. Зато Клавдия нет-нет да и бросала тревожные взгляды на Митьку.

— Не успеваем же, дьявол скучастый! — крикнула она. — Давай потише.

Ирина мельком взглянула на Митьку, и — точно мотылек какой трепыхнул крыльшками — на мгновение разошлись облегченно ее брови. И тут же глаза заблестели снова холодно и колюче, а брови намертво сошлись над переносицей. И она сказала упрямо:

— Чего просить... Он без просьбы сейчас на четверенки припадет: виали махать — не языком трепать...

В ответ на это Митька закричал Колесникову, метнув глазами на беспорядочно наваленные вокруг кучи сена:

— Ну-ка, подбрасывай мне его, только к поближе! Очисти подъезд, человек ждет же!

Клавдия взглянула на Ирину и лишь головой покачала. Хоть и погас мгновенно тот тепленький светлячок в ее глазах, хоть незаметны были движения ее бровей, Клавдия все же уловила то и другое.

И Устин Морозов тоже, очевидно, уловил. Во всяком случае, он потихоньку усмехнулся себе в бороду, будто хотел сказать: «Эх, молодость, молодость...»

Когда Филимон расчистил немножко подъезд к скирде, Устин слез с воза, подвел лошадь вплотную к зароду, развязал башлык и свалил воз. Молча смотрев веревку, кинул ее в сани и молча же уехал.

Понемногу Ирина начала уставать. А вилы, как назло, попались с неудобным, коряво остроганным черенком, и девушка в самом деле набила кровяные мозоли. Но из упрямства, из гордости и еще чего-то такого, чего и сама не могла объяснить себе, она не бросала вил. Митька то и дело искося поглядывал на нее и посмеивался.

— Ну, хватит! — крикнула наконец Клавдия. — Полчаса отдохну. Не знаю, как у вас, а у меня руки, как электрические провода, гудят.

— А ноги — как телеграфные столбы, наверное? — насмешливо осведомился снизу Митька. Однако тотчас бросил вилы, поднял свой полуушубок, отряхнул снег и закинул его на скирду. — Укройтесь, прохватит после работы. — Потом взял с земли свой пиджак, перекинул через плечо. — Филимон, айда в коровью родилку, там тепло. — Сделал несколько шагов, но вдруг обернулся. — А ну, телячья воспитательница, кажи ладони!

Это было так неожиданно, что Ирина, растерявшись, торопливо спрятала руки в карманы фуфайки. Митька ухмыльнулся. Но именно это окончательно и вывело Ирину из себя, она выдернула руки из карманов, протянула их сверху к Митьке, отчаянно крикнула, чуть не плача:

— На, смотри, смотри! Скалозуб ты... чубатый...

Она надеялась все-таки: снизу Митька ничего не рассмотрит. Но «Скалозуб», обладавший орлиной зоркостью, разглядел. И участливо покачал головой.

— Насколько я понимаю в медицине, это действительно мозоли. Ну, ничего, у других бывает хуже.

Если бы не это участие, Ирина, может, сдержалась бы еще. Но тут у нее мелко-мелко задрожала нижняя губа.

— Ну и что?! Ну и мозоли!.. — с обидой крикнула она сквозь слезы. — А ты... ты...

Казалось, теперь-то должен был остановиться Митька, потому что лежачего не бьют. Но он произнес не торопясь, безжалостно, с нескрываемым злорадством:

— Да, понятно. Вилами махать — не телячью шерстку гладить.

И, перекинув пиджак на другое плечо, пошел в коровник.

— Ну, чего, ей-богу, над человеком моешься?! Изо рта прям ядовитость так и льется, — сердито проговорил Филимон.

Но Митька даже не обернулся.

Ирина хотелось кинуть ему вслед слова горячие, как кипяток, чтоб его обожгло. И, не найдя таких слов, засунула губу, упала на скирду, провалилась в разнотравье. Клавдия накрыла ее Митькиным полуушубком, а затем и сама залезла под него.

Ирина прижалась к ней и заплакала навзрыд:

— Почему он такой... За что он меня... так?

— Митька-то? — переспросила Клавдия, обняла Ирину. И долго молчала. Ирина всхлипывала все ровнее и тише, как обиженный и теперь успокаивающийся ребенок. — Любит он тебя, однако.

Ирина дернулась всем телом, откинула полуушубок, вскочила на колени:

— Ты... что это? Да он... он... Да ты что? Ты откуда...

— Да я уж знаю.

На снимках: кадры из телевизионного кинофильма «Тени исчезают в полдень».

— Нет, не-ет! — крикнула Ирина, упала обратно в сено и зарыдала тяжелее прежнего.

Клавдия осторожно укрыла Ирину и легла сама.

Она дала Ирине выплакаться, а потом сказала ласково:

— И ты его любишь, Иришенька...

На этот раз Ирина затаила дыхание. Она словно окостенела в одно мгновение. Только бешено барабанило сердце. Клавдия, прижав к себе Ирину, слушала и слушала этот стук. И почему-то пьянила, почему-то кружилась у нее голова. И старалась она еще что-то вспомнить, но не могла.

— Разве... разве... она такая? — еле слышно спросила Ирина. Слово «любовь» Ирина не могла выговорить.

— Она всякая бывает, Иришенька, — прошептала ей в ухо Клавдия, легла на спину, заложила руки за голову, и стала печально смотреть в небо.

Над деревней пролетал самолет. Он был так высоко, что казалось, совсем не двигался, а висел недвижимо, точно вмерз в небо, как камень в глубокую толщу льда.

Ирина наконец шевельнулась, приподнялась. Но, встретившись взглядом с Клавдией, опять нырнула под полуушубок.

Первым к скирде подошел Митька. Глянул наверх, улыбнулся во весь рот. Хотел что-то сказать. Но Ирина, прозрительно сложив губы, спихнула ногой полуушубок со скирды и отвернулась.

Митька сразу помрачнел, спросил у подошедшего Филиона:

— Это всегда так было: красоты у девки на фунт, а спеси — в пуд не уложить?

— Подумаешь! — фыркнула Ирина. — Остряк-самоучка!

Филимон Колесников посмотрел сперва на Ирину, потом на Митьку и ответил как-то странно:

— Эх, вы, ребята-голуби...

Клавдия ничего не сказала. Только снова вздохнула.